

¹⁰⁴ Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток, 1928. С. 22.

¹⁰⁵ Пак Б.Д. Указ. соч. С. 41.

¹⁰⁶ Пак Валентин. Корейцы на Дальнем Востоке // Ленин кичи (Ленинское знамя). Алма-Ата. 1989. 23 нояб. С. 3. (на рус. яз.).

¹⁰⁷ Кириллов А.В. Корейцы села Благодословенного (Историко-этнографический очерк) // Тр. Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 1. Хабаровск, 1895. С. 1–13.

¹⁰⁸ Общественный приговор корейцев с. Благодословенного [23 октября, 1894 г. с. Благодословенное] (документ № 36); Из отчета Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского за 1893–1895 гг. (документ № 37) // Корейцы российского Дальнего Востока... С. 92–93.

¹⁰⁹ Ким Сын Хва. Указ. соч. С. 34.

R.S. Dzharlygasinova. The Historical Toponymy of Korean Settlements in the Russian Far East

The author analyzes the origins of names of Korean settlements in the Russian Far East and their transformations during the period from 1860s through the early 20th century. In the study, the author draws on a wide array of sources, including the collections of the Russian State Historical Archive of the Far East, personal archives of N.V. Kiuner, maps and notes of Russian explorers and travelers, and memoirs of people who lived in the region in the first quarter of the 20th century.

© ЭО, 2004 г., № 4

А. В. Загорулько

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕЙЦЕВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (60-е годы XIX – начало XX в.)

Корейцы, переселившиеся в Приморскую область и Приамурский край, в отличие от других переселенцев-иностранцев, уже с самого начала мигрировали вместе с семьями; многие брали с собой сельскохозяйственные орудия и иногда даже рабочий скот. Это предопределило хозяйственные занятия основной части корейского населения Приамурского края.

Своеобразие способа ведения сельского хозяйства корейцами-переселенцами отмечали российские ученые-путешественники, чиновники местной и центральной администрации, землемеры. Описывая потенциальные возможности новых областей для сельскохозяйственного использования, они отмечали приспособленность хозяйств корейцев к местным условиям. В оставленных ими записках и воспоминаниях довольно подробно описывается принесенная поселенцами новая система земледелия¹.

Земледелие. В Корее в рассматриваемое время существовала довольно развитая система земледелия, которую правительство старалось совершенствовать и контролировать. Специальное министерство надзидало за сельскохозяйственным производством. Для поддержания крестьянских хозяйств была введена система государственных суд семенами. В приложениях к правительственному ежегоднику-календарю излагались правила земледелия, системы посевов, время сеяния и жатвы, указывались состав почвы и способы ее удобрения².

Вместе с тем налоговая политика государства и ослабление контроля центрального правительства над чиновниками провинций и уездов, ответственными за сельское хозяйство, препятствовали успешному развитию сельского хозяйства. Многие крестьяне со средним уровнем достатка разорялись и становились арендаторами или скрывались от налогов. Из-за этого снижалось качество сельскохозяйственного труда, что нашло отражение в воспоминаниях путешественников-европейцев, в частнос-

ти В. Серошевского, который, сравнивая сельское хозяйство китайцев и корейцев, подчеркивал грубость и примитивность его у последних³. В то же время в Приморском крае русские чиновники отмечали более высокий уровень хозяйств корейцев по сравнению с хозяйствами китайцев и маньчжур, занимавшихся земледелием⁴.

Тяжелые материальные условия, отсутствие собственной земли вынуждали корейских крестьян обрабатывать землю варварскими, примитивными способами, не заботясь о сохранении почвенного слоя. Такой вид земледелия был распространен среди *хваджонминов* – крестьян, скрывавшихся от правительственных чиновников в труднодоступных лесных районах, в основном в пров. Канвон. Временный характер проживания не предполагал развитого сельского хозяйства. Хваджонмины использовали систему подсеčno-огневого земледелия, при которой на небольшом участке в лесу вырубались все деревья и кусты. Затем участок очищался от дерна и удобрялся пеплом сожженных деревьев. Степень сложности обработки зависела от почвы или потребностей хозяйства. Иногда участок даже не корчевался, посадка злаков производилась между пнями. Поскольку постоянное поселение здесь было невозможно, то через несколько лет хваджонмины уходили отсюда. Земля, оставленная без ухода, выветривалась или смывалась весенними потоками. Поэтому в Корее правительство преследовало хваджонминов не только за уклонение от налогов, но и за порчу государственных лесных угодий. Но несмотря на все усилия правительственных чиновников, число крестьян-хваджонминов росло. Подсеčno-огневой метод земледелия мог использовать любой крестьянин-кореец, если его вынуждали к этому обстоятельства.

В трудах русских исследователей Приморской области, в которых описываются хозяйства корейцев, нет упоминаний о подсеčno-огневом земледелии, за исключением высказывания М.И. Янковского о корейцах Приморья: “Корейцы истребляли леса и распахивали в них свои пашни. А теперь уж и многие пашни выпаживались и они кочуют все с места на место, и вновь вырубают, и вновь выпаживают, располагаясь по всем разветвлениям горных речек до самого пограничного хребта... останутся лишь тогда, когда... вырубят, выжгут леса, выпашут землю”⁵. Необходимо пояснить, что слова М.И. Янковского относятся к группам корейских крестьян, которые, не являясь российскими подданными, не получали надела и занимались самозахватом земель. Таким образом, речь у него шла о тех корейцах Приморья, которых ничто не связывало с этой землей, не имевших сколько-нибудь благоприятных условий для нормального развития сельского хозяйства. Если же кореец получал землю (поле) в надел (пусть даже 15 дес.), то земле (полю) уделялось больше внимания и ухода. Если хозяин переезжал в город или уходил, этот надел редко пустовал. Всегда находились вновь прибывшие из Кореи переселенцы, которые либо покупали эти земли, либо селились на них на положении арендаторов.

Поселение корейцев-новоселов санкционировалось представителями российской власти (военными, лесной стражей, полицейскими). В том случае, если какой-либо инспектирующий чиновник неожиданно обнаруживал вновь появившуюся корейскую деревню, он оказывался поставлен перед уже свершившимся фактом. В конце XIX в. П.Ф. Унтербергер писал об этом: “Перешедшая к нам корейская семья в каких-нибудь три недели ставит на выбранном месте фанзу и возделывает огород, заметить такое возникновение нельзя, в особенности, когда оно появилось где-нибудь в стороне... к разорению хозяйства не прибегали по неопределенности вопроса и из сострадания”⁶.

Корейцы селились по речным долинам и склонам сопок. Во многом место, выбранное для поселения, зависело от расположения реки, окрестных возвышенностей, близости крупных корейских поселений. Наиболее заселенный корейцами район – Посъетский участок.

Можно выделить два типа корейских поселений: выселки и деревни. Во многом тип поселения зависел от ландшафта. Поскольку дома в них были разбросаны без особого порядка, наиболее характерными являлись количественные показатели поселений. На выселках обычно бывало не более пяти усадеб, в деревнях – от 10 и

больше. Нередко при наличии большого количества свободной земли выселки разрастались в деревни. Иногда все население выселок переезжало на другие земли, даже за границу. Например, жители выселка Тунза-Кори около д. Янчихэ (Посыетский участок), примерно 20 семей, уехали в Китай⁷. Крупные поселения были более стабильными, хотя население в них могло меняться: старое уходило в город, продав или уступив вновь прибывшим свой надел.

Выселки, как система расселения, были характерны в основном для новых переселенцев, поскольку позволяли долго оставаться незамеченными российскими властями. Корейские выселки сохранялись до переписи 1926 г., когда в последний раз были обнаружены неизвестными властям поселения.

Поскольку большинство переселенцев-корейцев эмигрировали из граничившей с Россией корейской пров. Северная Хамгён, то некоторые особенности землепользования крестьян этой провинции отразились в хозяйствах корейцев, проживавших в Приморской области. Прежде всего это касалось размера хозяйств. В Корее конца XIX – начала XX в. преобладали небольшие крестьянские хозяйства. На северо-востоке крестьяне жили маленькими поселками. Поэтому термин “деревня” в определении поселений корейцев в Приморской и Амурской областях употреблялся условно. “Деревни” представляли собой усадьбы, вокруг которых находились обрабатываемые поля, разбросанные на всем пространстве узкой горной долины либо на покатых склонах холмов около реки.

У корейских крестьян был иной, нежели у русских, способ полеводства – грядковый – самый распространенный в Восточной Азии. В Приморской области кроме корейцев его практиковали китайцы и маньчжуры. Основные преимущества такой системы земледелия заключались в ее исключительной приспособленности к местным условиям – климату, почве. Прежде всего грядковая система была ориентирована на интенсивное сельское хозяйство: это тщательный уход за почвой и ростками злаков, что позволяло с малых площадей собирать большой урожай. При грядковой системе земледелия поле распахивалось не в *свал*, т.е. без грядок, а отдельными грядами, между которыми оставались промежутки. С помощью смены гряд и междурядий каждый год рещалась проблема пара и залежи. В корейском хозяйстве ежегодно поле перепахивалось так, чтобы гряда проходила там, где в прошлом году было междурядье – так достигалось чередование в использовании почвы. Помимо этого грядковая система облегчала прополку полей, не угрожая посевам, так как оставались свободные проходы между рядами злаков. При обилии на юге Дальнего Востока разнообразных сорняков частые прополки полей были насущной необходимостью, но при сплошном посеве они угрожали появившимся росткам. Кроме того, во влажном климате, при сильных осадках, вода скапливалась в междурядьях, не угрожая посевам.

Кроме ежегодного чередования грядок и междурядий обогащение почвы достигалось с помощью севооборота и внесения органических удобрений. Определенного порядка севооборота не существовало, посевы традиционных для корейцев злаков (чумиза, рис и бобы) чередовались с другими, не традиционными. Конкретная схема севооборота зависела от состава почв и района расселения корейских крестьян. Например, в Амурском крае (с. Благословенное) для восстановления загубелых почв сеяли гречиху. Считалось, что после нее можно сеять любые другие культуры. Во всех районах для насыщения почвы азотом сеяли бобы сои. Удобрение было одним из важнейших компонентов грядковой системы земледелия. На удобрение шло все, начиная от пепла сожженной соломы и гнилых листьев до навоза, рыбьего тука и рыбы (в прибрежных районах). Количество разбрасываемого навоза на десятину зависело от количества крупного рогатого скота и от степени плодородности почвы. Тщательная обработка и частое разрыхление грядок способствовали обогащению растений необходимыми минеральными веществами. Поля в корейских хозяйствах были небольшими, располагались вокруг усадьбы. При грядковой системе земледелия крестьянин физически не мог обрабатывать огромные поля, поэтому корейцы, даже имея значительное количество целины, ограничивались небольшими площадями обрабатываемой земли.

Корейцев-переселенцев, осевших на земле, а таких было большинство, можно разделить на семейных и холостяков. Обычно корейцы старались селиться и обрабатывать землю семьями, но в силу разных обстоятельств они не всегда могли обзавестись семьей. Это относилось прежде всего к бывшим арендаторам государственных земель в Корее, которые не были женаты до переезда в Россию. Поскольку корейки эмигрировали в Россию в составе семей как жены, то найти жену-корейку в России оказывалось трудно. В конце XIX в. Н.А. Крюков упоминал, что население д. Осиповки около Хабаровска в большинстве своем состояло из неженатых мужчин⁸. Семейное положение сказывалось на степени оседлости населения и продуктивности хозяйства. Хотя продуктивность хозяйств холостяков была выше (из-за отсутствия лишних ртов), они тем не менее работали в основном на рынок, выращивая овес для военных и овощи для города. Семейные крестьяне выращивали продукцию не только для рынка, но и для семьи, и жили более оседло.

В отличие от китайцев и маньчжуров, корейцы селились более компактно. Большие усадьбы китайцев (“земледельческие фанзы”) были разбросаны на сравнительно значительном расстоянии друг от друга и напоминали скорее заимки, чем крестьянские хозяйства. Каждый владелец усадьбы – китаец или маньчжур – жил как помещик, нанимая на лето много рабочих-сезонников.

У корейцев, даже у богатых, имелось небольшое число батраков, и их дома находились близко друг от друга в горных долинах (Посьетский участок), поймах рек (Цимухинский у.). В среднем крестьянин-кореец обрабатывал от 1 до 6 дес. земли, выращивая при этом продукцию для рынка и для собственного потребления. Необходимо отметить, что переселенцы на первых порах возделывали в основном суходольные культуры; поливные в массовом количестве появились на их полях только в 1906–1908 гг., хотя в расположенной рядом с Россией пров. Северная Хамгён поливной рис в 1860-е годы уже возделывался. В 1878 г. в д. Синельниково была принята первая попытка выращивания риса⁹.

Преобладание суходольных культур на первом этапе заселения во многом объясняется недостаточным обеспечением крестьян техникой, отсутствием семян риса, недостаточным знанием новых угодий.

Районы расселения корейских крестьян-переселенцев во многом определялись политикой российской администрации, а также направлениями миграций. Можно выделить три густо населенных сельскохозяйственных района (за исключением окрестностей крупных городов – Владивостока, Хабаровска, Николаевска-на-Амуре): Посьетский участок, Суйфунский у. в Южно-Уссурийском округе и с. Благословенное в Амурском крае. В дальнейшем такой район сформировался в Сучанской долине. Климатические условия и ландшафт указанных районов сильно различались, что повлияло на систему их поселений, расположение полей и выбор злаков.

Посьетский участок был заселен корейцами раньше других. Место первых поселений выбиралось в зависимости от расстояния до военного поста и пригодности занимаемых земель. Между устьем р. Туманган и Новгородской бухтой, по обе стороны от залива Славянки, горы отступают от моря и их место занимают луговые пространства. С гор Посьетского участка стекает много рек, образующих длинные и широкие долины. Главные речки – Фаташи, Янчихе, Тезинхэ, Адими, Седими (Сидими), Мангугай, Амба-Бира. Долины этих речек имеют много общего: они тянутся с северо-запада на юго-восток, очень узки и подвержены сильным внезапным наводнениям. Самая длинная из них – долина р. Мангугай – была пригодна для сельского хозяйства на протяжении 30 км от устья, по мере удаления от которого она суживалась от 4–6 км до 500 м. Первые поселения корейцев были ориентированы на использование луговых пространств: например, поселения Тизинхэ, Адими, Мангугай появились именно на лугах. Во избежание затопления полей строились дамбы, обводные каналы и другие ирригационные сооружения¹⁰. Поля и огороды корейцев располагались вокруг усадьбы, занимая в среднем 3,5 дес. Когда в 1869 г. сюда хлынул поток иммигрантов, узкие горные долины Посьетского участка уже не могли прокормить всех вновь прибыв-

ших. К тому же из-за отсутствия в долинах крупных хозяйств невозможно было обеспечить всех новоселов работой на земле в качестве батраков или арендаторов.

На Посьетском участке корейцы в среднем обрабатывали на одно хозяйство 3,4 дес. Рабочего скота здесь было меньше, чем в среднем крестьянском хозяйстве Приморской области: 1,2 головы крупного рогатого скота и 0,6 лошадей на одно хозяйство. Молочный скот корейцы вообще не держали, крупный рогатый скот использовался только как тяговая сила. Поля были небольшие – с грядками шириной около 1 м, расстояния между которыми могло варьировать в зависимости от высеваемых культур и севооборота.

Для посева овса в грядке сначала проводили плугом, аналогичным русской сохе, неглубокую бороздку и высевали семена по левому краю отвального пласта, затем проходили вновь по уже сделанной борозде, поднимая тонкий слой земли и наваливая его на посеянные семена. Для ядрицы и пшеницы поля готовили осенью, причем каждый раз пахали в свал; весной в середине грядки делали мелкую борозду, в которую высевали семена, прикрывая их землей с помощью ног или ручной мотыги. Таким же образом, только с помощью специального приспособления (различные виды его будут рассмотрены ниже) сеяли буду¹¹. На Посьетском участке буду сеяли трех сортов. Это *яр-буда* (корейск. *киджанъ*, диалект. вариант – *кицан-и*, *маги-цай*), или посевное просо (*Panicum miliceum*) – высший сорт проса, растет метелками, семена крупные, желтые, но мельче русского проса; *белая буда* (корейск. *чо*, *чо-и*, диалект. вариант – *чо-и*) – собственно чумиза и *черная буда* (корейск. *пхи*, диалект. вариант – *фи-на-ди*, *пи-нади*) – просо куриное обыкновенное (*Echinochloa crus-gall*). Буда каждого сорта была двух видов: тягучая и рассыпчатая. Из первой получалась более клейкая каша, и она выше ценилась. В зависимости от климатических условий и почвы возделывался тот или иной вид буды.

Основными зерновыми культурами на Посьетском участке были овес и черная буда. Овес обычно сеяли на самых плохих землях. Его солома частично сжигалась в поле, частично шла на покрытие крыш крестьянских домов. Необходимо отметить, что овес не являлся традиционно возделываемым корейцами злаком, хотя, по сообщениям русских путешественников, в провинциях Северная и Южная Хамгён он был очень распространен. В этих районах овес преобладал и в пище местных жителей, заменяя рис¹².

Кроме основных зерновых культур корейцы возделывали различные сорта бобовых, главным образом сою: так называемые белые, черные и пестрые бобы. Наряду с бобовыми выращивалась кукуруза (корейск. *оксусу*, диалект. вариант – *окиушии*). Среди хозяйств Посьетского участка были распространены два ее сорта – белая с крупными зернами (корейск. *хин сукку*, диалект. вариант – *хын-шу-ки*) и желтая с круглыми зернами средней величины (корейск. *мэ сукку*, диалект. вариант – *май-шу-ки*). Высевалась кукуруза одновременно с будой, чаще всего в междурядьях, в хорошую землю, удобренную навозом. Возделывались на Посьетском участке также пшеница, ячмень, гаолян и некоторые овощи – картофель, чеснок, перец, тыква.

Несмотря на тщательную обработку и постоянное удобрение полей, такие зерновые культуры, как пшеница и овес, хотя и отличались отсутствием семян сорняков, были не всегда качественными, встречалось щуплое и “большое” зерно. В то же время традиционные культуры корейских крестьян – буда, бобы, гаолян – прекрасно развивались и давали качественное зерно. Корейцы Посьетского участка выращивали также табак: его высевали в начале июня, а собирали в конце июля – августе. В хозяйствах крестьян-корейцев Адиминской и Янчихинской волостей традиционные культуры (чумиза, бобовые – соя) занимали примерно столько же земли, сколько и новые (овес, картофель)¹³. Однако к 1908 г. резко возросло значение картофеля и сократился урожай бобовых (возможно, из-за состояния почв или климатических условий).

В общем, можно отметить, что в корейских хозяйствах Посьетского участка возделывались и традиционные зерновые и бобовые, и новые для корейских крестьян культуры, которые шли в основном на рынок (в воинские части и в города). Благодаря грядковой системе земледелия, лучше приспособленной к местным условиям, корей-

цы относительно успешно могли выращивать любую зерновую культуру, имевшую высокий спрос на рынке. В тех условиях это был овес, удовлетворявший нужды военных в этой части Приморской области. К тому же овес довольно неплохо приспособлен к влажному климату. Из овощей корейцы сбывали в города картофель. Необходимо отметить, что в корейских деревнях общественные продовольственные магазины заполнялись будой – наиболее урожайной и привычной для корейцев культурой.

На Посъетском участке рис впервые появился в долине р. Янчихэ – наиболее обжитом корейцам районе. В 1908 г. там возделывалось 40 дес. риса¹⁴. В дальнейшем его посевы увеличились. В 1922 г. в Посъетском районе высевали уже 2500 дес. риса. Однако это мало, по сравнению с другими районами Приморского края. Слабое распространение риса здесь можно объяснить недостатком удобных для него угодий – низких мест в долинах рек. На Посъетском участке их было мало, к тому же долины горных рек – узкие, а поведение рек непредсказуемо. После 1908 г. рис появился в Спасском и Сучанском уездах, где имелись более удобные для возделывания этого злака места, особенно в Спасском у.¹⁵

Вторым сельскохозяйственным районом являлась Приханкайская равнина и долина р. Суйфун, а именно Ханкайский и Суйфунский округа. В отличие от Посъетского участка в этой местности корейцы не были преобладающим населением. Их поселения располагались на землях русских крестьян и казаков. Наиболее однородный состав населения (корейского) был в располагавшихся в долине р. Суйфун деревнях Кроуновка, Пуцыловка, Корсакровка, Александро-Никольское.

На первом этапе корейской эмиграции хозяйства корейцев Приханкайской равнины не слишком отличались от хозяйств корейцев Посъетского участка – тот же набор культур, за исключением овса (его сеяли меньше). Система расселения напоминала ту, что была характерна для Посъетского участка, только поселения корейцев Спасского и Уссурийского уездов располагались в более широких долинах притоков р. Суйфун. Климат и качество почв были здесь гораздо лучше, чем на Посъетском участке. Однако массовому заселению этих районов корейцами препятствовали жившие уже тут казаки и крестьяне, что, впрочем, не мешало выходцам из Кореи брать в аренду надель.

В 1920 г. в этих районах среди выращиваемых злаков стал преобладать рис – поливной и суходольный. В Приморской области первые его посевы производились иностранными семенами – японскими, китайскими и корейскими. В 1920-х годах распространяется местный и южноманьчжурский рис; его основными сортами являлись поливные остистый “Хоккайдо” и безостый – местный, называемый “Цальбе” и “Цантори”, и суходольный “Хандензе”. Наиболее распространенными были остистый “Хоккайдо” и более дорогой “Цальбе”. Суходольный рис давал очень низкие урожаи¹⁶.

Посев риса производился следующим образом: ранней весной поле затапливалось водой и после ее спуска вспахивалось, затем оно снова затапливалось, вода взмучивалась, и в нее бросали предварительно намоченные и проросшие семена. Когда муть оседала на дно, она прикрывала семена. Потом часть воды отводилась, а после всхода ростков поле опять заливалось водой на 30–40 см. Прополка риса проводилась в воде. Когда он созревал, вода спускалась и начиналась уборка урожая. Однако существовали и другие способы выращивания поливного риса, когда посев производился на сухую пашню с последующим затоплением.

Следует отметить, что хотя в 1920 г. рис был очень распространенной культурой в корейских хозяйствах, крестьяне его продавали, а на вырученные деньги покупали буду (чумизу), которой питались всю зиму. С 1928 г. советские органы в Приморском крае приступили к массовому обследованию площадей, пригодных под рисосеяние, постройке ирригационных сооружений и организации корейских артелей и совхозов, специализировавшихся на выращивании риса. К этому времени рисосеяние было сосредоточено в двух районах – в Приханкайской низменности, южной части края, и на западных склонах Сихоте-Алиня. В 1930 г. возделывание риса распространилось по Амуру до г. Благовещенска и по р. Зея¹⁷.

Третьим крупным корейским сельскохозяйственным районом стали окрестности с. Благословенного, расположенного на землях Екатерино-Никольского станичного округа в 526 верстах от г. Благовещенска вниз по Амуру. Село образовано в 1867 г., когда 500 корейцев были переселены в Амурский край. Здесь они оказались в иных условиях, чем первые переселенцы на Посьетском участке, Ханкайском и Суйфунском округах. Во-первых, это была, пожалуй, единственная группа корейских переселенцев, наделенная 100 дес. земли. Во-вторых, на их обустройство на новых землях российские власти выделили 13 651 руб. В эту сумму входили расходы на постройку домов и покупку одежды, продовольственная помощь, обеспечение семенами, кормовые деньги. Поэтому хотя с. Благословенное и напоминало корейские деревни Посьетского участка, но землепользование в нем имело некоторые особенности. В частности, в указанном селе, в отличие от Посьетского участка, рядом с домами находились только огороды, поля же были немного в стороне; расстояние между домами не превышало 200 м¹⁸. По планировке эта деревня напоминала корейские деревни Южно-Уссурийского края: дома стояли вразброс, улиц не было.

Крестьяне с. Благословенного практиковали следующий севооборот: по целине три года подряд сеяли пшеницу, на четвертый год – различные сорта буды (черная или желтая), а затем на том же поле – овес в течение двух–трех лет; после него – год бобы, за ними снова сеяли буду, потом два–три года вновь овес. Так же, как и в корейских хозяйствах Посьетского участка, в с. Благословенном выращивали три сорта буды: черную (корейск. *пхи, пинади*), красную с белым стеблем (корейск. *чхаль*, диалект. вариант – *цхари*, клейкое просо), красную с красным стеблем (корейск. *чо, чо-и*, диалект. вариант – *цои*).

Кашу варили из всех сортов буды. Для выпечки хлеба использовали муку, полученную из зерен красной буды с белым стеблем. Солома шла на корм скоту. Из зерновых злаков, кроме буды, выращивали пшеницу и овес. Последний – в основном на продажу, хотя торговля овсом здесь была распространена меньше, чем на Посьетском участке.

Корейские крестьяне с. Благословенного сеяли также гречиху, но она не давала стабильного урожая. На новых целинных почвах гречиха была редкой культурой. Возможно, ее посевы использовались для оздоровления “заглубелых” почв, как бобы для насыщения истощенных почв азотом.

Наряду с различными зерновыми злаками выращивались бобовые – главным образом соя тех же сортов, что и в Приморской области: белая и черная, иногда желтая. Из овощных культур распространение получила корейская редиска, которая возделывалась обычно на грядках, где был ячмень (после его уборки). Из технических культур самой распространенной являлся черный кунжут – губоцветное растение с черными зернами, из которых готовили масло.

Посев буды производился в уже сделанные грядки. Корейцы вспахивали землю один–два раза в зависимости от состояния почвы и имевшейся рабочей силы. Кто успевал, тот пахал осенью, а весной боронил или сразу запахивал грядки. Грядки для буды делались с таким расчетом, чтобы на 80 см приходилось три грядки и три междурядья. В течение лета буда пропалывалась три раза: первая прополка, в зависимости от количества сорняков, требовала от 7 до 10 рабочих дней на десятину, вторая – от 8 до 15 дней и третья – от 10 до 15 дней.

Овес и пшеницу сеяли иным способом: пахали с помощью сохи, сеяли в два ряда, и грядки располагались по-другому – на 100 см помещались три грядки и три междурядья. Прополка пшеницы производилась два раза и занимала от 4 до 8 рабочих дней. Овес пропалывался всего раз за лето, на что уходило 4 дня.

Поле каждый год удобрялось в основном навозом, а также пеплом соломы или ботвы. Навоз вывозили на ближние поля и клали под любой злак. Обычно навоз вывозили в поле весной: сначала его складывали в кучи высотой до 1 м, летом для лучшего перепревания кучи два–три раза перелопачивали и осенью разбрасывали по грядкам. Действие удобрения сохранялось в течение трех лет; в первый год после его нанесения урожай увеличивался в два раза. Пашни обрабатывали 15–20 лет.

В Южно-Уссурийском крае корейский крестьянин удобрял десятину 70–100 возами, этого удобрения хватало на два–три года. Древесным пеплом в с. Благословенном не удобряли даже целину, на поле сжигали только солому и ботву различных злаков. Интересен тот факт, что при поднятии целины там на поле не сжигали деревья и кустарники. Хотя в пров. Северная Хамгён, откуда были родом первые поселенцы, это было принято¹⁹. Основными культурами, возделываемыми корейцами Амурского края, являлись буда, овес, пшеница, бобы. В государственные магазины с. Благословенного, как и Посьетского участка, корейцы ссыпали буду.

Несмотря на сходство, земледелие корейцев Приморской области и Амурского края имело ряд различий. В хозяйствах Приморской области, прежде всего Посьетского участка, практиковался следующий севооборот: овес – чумиза (белая буда) – бобы – буда (другие два вида) – снова чумиза – бобы, а в Амурском крае – пшеница – буда (черная и красная) – овес – бобы – чумиза – овес. Последний в обоих хозяйствах занимал значительное место, поскольку являлся основным товаром, поставляемым корейцами на рынок. Пшеницы на Посьетском участке, возможно, из-за влажного климата, было меньше, чем в Амурском крае, где она также не являлась основным злаком. Бобов на Посьетском участке и в Приморской области в целом выращивалось больше. В Приморской области при незначительных площадях наделов и из-за нехватки навоза бобы сеяли чаще, после посева почти каждого злака. В Амурском крае бобы высевались только после трех основных злаков – пшеницы, овса, буды. Это объясняется тем, что наделы в с. Благословенном были по 100 дес., и у корейских крестьян имелась возможность отводить часть поля под пар, хотя в корейском хозяйстве он не играл такой роли, как в русском. Меньшее число высеваемых бобов объяснялось и ограниченностью рынка сбыта для изготовлявшихся из них продуктов, так как Амурский край населяли в основном русские крестьяне и казаки.

Севооборот и виды высеваемых злаков изменились после 1920-х годов. Выращиваемые для рынка нетрадиционные злаки – овес, пшеница и ячмень – потеряли свое значение. Среди культур, идущих на продажу, начал преобладать рис, который требовал более тщательного ухода и обработки, а также особых полей. Его обычно сеяли либо отдельно, либо после ячменя. Традиционные культуры – чумизу и буду (черную и белую) – сеяли, не перемежая другими злаками.

На полях корейцев Амурского края и Приморской области различались также размер грядок и междурядий. Например, в с. Благословенном грядка была шириной 80 см, а на Посьетском участке – 1 м. Ширина грядок и междурядий, возможно, зависела от уровня осадков и влажности климата в том или в конкретном районе.

Кроме рассмотренных выше сельскохозяйственных районов следует указать на такую разновидность корейских поселений, как пригороды. В Приморской области такие корейские поселения были возле Владивостока (Первая речка, Вторая речка, Седанка) и около Хабаровска (д. Осиповка). Корейские пригороды имелись также в Николаево-Уссурийском, Николаевске-на-Амуре и других городах Дальнего Востока²⁰. Прежде всего следует отметить исключительную ориентированность хозяйства таких деревень на рынок, как в сбыте овощей, так и в приобретении пищи на зиму. Лучшее всего это видно на примере д. Осиповки, находившейся в 8 верстах от г. Хабаровска (до 1893 г. с. Хабаровка, с 1880 г. – город) вниз по Амуру, на правом берегу реки. Хотя местность здесь пересеченная, склоны холмов круты и обрывисты, тем не менее под пашни были расчищены значительные площади. Деревню основали в 1892–1893 гг. и в 1899 г. в ней уже насчитывалось 42 двора. Планировка и система расселения были похожи на корейские деревни Посьетского участка. Дома стояли в виде отдельных хуторов на склонах прибрежных гор и тянулись до полей с. Воронежского²¹.

Крестьяне Осиповки возделывали овес, ячмень, гречиху, картофель, огурцы, тыкву, перец, свеклу, морковь, салат, китайскую капусту, кукурузу²². Интересен тот факт, что в этой корейской деревне почти не выращивали буду – традиционный для корейцев злак²³. В Осиповке первоначально жили в основном неженатые мужчины²⁴.

Затем они обзавелись семьями, но направление хозяйства не изменилось. Все овощи и зерновые выращивались для продажи. Продовольствие на зиму закупалось в близлежащих городах. В ожидании повышения цен на рынке использовались разные способы хранения продуктов. Например, стараясь сберечь картофель до весны (тогда цена поднималась за пуд до 70–80 коп.), корейцы хранили его в яме глубиной 2 м.

С 1890-х годов около каждого большого российского города Дальнего Востока стали появляться корейские деревни. Они снабжали городские рынки овощами, фруктами, бахчевыми культурами. Крестьяне, разбогатев, перебрались в городские дома, а на их землях появлялись новые переселенцы из Кореи. Чаще всего основное население таких поселков составляли бывшие наемные рабочие, осевшие на земле.

Как уже отмечалось, грядковая система предопределила способы и орудия обработки земли, прежде всего сохи, плуги и мотыги. При тщательной обработке грядок на незначительных по площади полях большую роль играли ручной труд и связанные с ним орудия. Даже корейская соха, по замечанию К.И. Чукаева, напоминала “большую кирку с конной тягой”²⁵.

При подъеме залежи использовали плуг “Сакка”, заводского производства, в который запрягали три пары быков (Амурский край). Однако в Приморской области целину вспахивали как плугом, так и вручную. Для разделки поля на грядки применяли специальную соху. Следует отметить, что русские чиновники, описывавшие Приамурский край, называли сохой корейский плуг. Собственно корейская соха представляла собой железный лемех в виде треугольной лопаты шириной 60 см и длиной 80 см, которая надевалась на изогнутый деревянный рычаг или брусок, конец его служил ручкой, а в середине прикреплялся грядиль. Такие сохи делались мастерами-корейцами. При распашке лемех шел наклонно к поверхности почвы, которая не отваливалась сплошным пластом, а ломалась. Такую соху использовали на разрыхленной земле. Целину корейцы пахали другим орудием – плугом, отличавшимся от описанной выше сохи только лемехом, напоминавшим отвал. В Амурском крае (с. Благословенное) распашка грядок производилась плугом, в который запрягали двух волов. Этот плуг был тяжел по весу (без палицы, с дышлом и ручкой, прикрепленной к раскохе перпендикулярно линии движения). Как считал К.И. Чукаев, такой плуг предназначался не для пахоты или распашки, а для взламывания почвы. Сошник у него был чугунный, ненаваренный и ненаставленный²⁶.

Употребление плуга “Сакка” облегчало подъем залежи или целины. Для парных и одиночных запряжек использовались разные типы ярма: в Приморской области, где в плуг или соху запрягали одного быка, ярмо состояло из деревянного бруска, изогнутого или имевшего посередине выемку. Его клали выемкой у холки, а к концам прикрепляли шнурок, который обхватывал шею животного внизу. Концы оглобель прикреплялись к концам ярма. Когда животное было запряжено, при движении оно напирало на ярмо. В Амурском крае (с. Благословенное) обычно запрягали двух волов. Поэтому запряжка осуществлялась другим способом: дышло сохи подвешивалось к середине толстой палки при помощи “веревки”, сделанной из прутьев. Эту толстую палку клали на холки волов, а снизу шеи подтягивали веревками, шедшими от дышла к обоим концам шейной палки. Для регулирования расстояния между волами имелось по три отверстия на каждом конце толстой палки, лежавшей на холках волов. Глубина пахоты регулировалась опусканием или подтягиванием дышла. Волы управлялись вожжами, привязанными к рогам, на морды волов надевались специальные корзинки, чтобы животные не наклонялись к посевам. Иногда в соху впрягался кто-нибудь из домочадцев.

Кроме сохи и плуга корейцами употреблялась специальная лопата – большая и широкая, к основанию черенка которой привязывались две веревки. Работали такой лопатой втроем: один, надавливая ногой, втыкал лопату в землю как можно глубже, после чего двое других тянули за концы веревок. Лопата, придерживаемая первым рабочим за верхний конец черенка, выворачивала землю и сразу ставилась на новое место. Таким способом крестьяне поднимали целину или залежь в Корее²⁷.

Дальнейшая обработка поля велась всевозможными орудиями типа мотыги. Наиболее распространенное из них называлось *хоми* и состояло из куска котельного железа, выгнутого особым образом. Куску железа сначала придавался вид вытянутого треугольника с желобом посередине, затем этот треугольник загибался на узком конце под прямым углом и насаживался на палку длиной от 40 до 80 см.

Сеяли в корейских хозяйствах различными способами, в зависимости от высеваемого злака. Овес сеяли с помощью сохи, а пшеницу и буду – вручную с помощью специального приспособления. Орудие для сеяния называлось *тубе*. Встречались тубе разного вида. В Корее (в северных провинциях) оно представляло собой полую высушенную тыкву с отверстием, куда засыпали семена, и трубкой, через которую они направлялись в борозду²⁸. Говоря о Посьетском участке, Н.А. Крюков описывал другое устройство тубе (хотя принцип оставался тем же). Это был цилиндр диаметром от 40 до 60 см, высотой 20 см, в котором имелись два отверстия: одно – с торца, в центре круга, другое – сбоку²⁹.

С.Д. Аносов описывал еще одно приспособление для посева – небольшой мешок, к которому прикреплялась трубка. Мешок вешался через плечо, трубка бралась в левую руку и наклонялась к борозде под углом 45°. В правой руке сеятель держал палку и постукивал ею по трубке, чтобы семена сыпались непрерывной струей. При посеве овса такое приспособление укреплялось на сохе, и пахарь стучал по трубке черенком кнута, чтобы сыпались зерна. Борозду могли не заделывать с помощью сохи, в этом случае борозду утаптывали шедшие сзади за сохой женщины и дети³⁰.

Самый простой способ сеяния применялся при посеве буды. По разрыхленной грядке шел сеятель в мягкой обуви, зажав подмышкой тубе. Одной ногой он делал канавку для семян, а другой засыпал землей брошенные семена. Эту работу могли делать двое работников, тогда она занимала меньше времени. Традиционные культуры – буду и бобы – сеяли вручную, а овес, пшеницу – с помощью сохи.

Прополка совершалась в основном вручную, мотыгами, иногда междурядья овса обрабатывались с помощью сохи. Убирали урожай исключительно серпами. Снопки свозили или сносили к усадьбе и складывали в круглые стога, по 1000 снопов. Обмолачивали хлеб цепами специального устройства: било цепа состояло из трех тонких палок, расположенных в одной плоскости, параллельно одна другой на расстоянии 10 см друг от друга. Чумизу и буду корейцы рушили двумя способами: на маленьких ножных крупорушках и на большой конной крупорушке. Описание последней приводит Н.А. Крюков³¹. Кроме того, были распространены водяные мельницы *мульбана*³².

Итак, если рассматривать все виды сельскохозяйственной деятельности корейцев, то можно выделить у них два типа хозяйств: расположенные в сельской местности, продукция которых непосредственно не была связана с рынком, и расположенные возле городов, хозяйство которых полностью зависело от рынка. Различия между сельскохозяйственными центрами – Посьетского участка, Приханкайской равнины, с. Благодословенного, а позже Сучанской долины – сводились к разному соотношению высеваемых злаков, хотя состав культур был одинаков. Корейские земледельческие хозяйства Приморской области имели больше сходств, чем различий. В частности, у них были одинаковы севооборот, способы оформления грядок и инвентарь. Скорее всего это можно объяснить сходными климатическими и экономическими (система выделения земельных наделов, правовое положение корейских крестьян) условиями. Распространение риса стало возможным после разработки значительных угодий и достижения рентабельности корейских крестьянских хозяйств. С распространением рисосеяния корейские крестьянские хозяйства вышли на новый уровень освоения земель Дальнего Востока.

Животноводство. Важное место в хозяйстве корейских крестьян занимало и животноводство, хотя его характеристики были несколько иными, чем в хозяйствах русских крестьян и казаков. Корейцы разводили коров, свиней, птицу. Коровы использовались главным образом как тягловая сила и для переноски тяжестей. Мо-

лочное животноводство отсутствовало. Коровы корейской породы были малоудойными. На мясо они забивались редко. Содержание скота было стойловое. И зимой и летом коров и свиней держали в хлеву. Выпасов вокруг корейских домов не имелось. Если скот выпускали пастись, то только стреноженным.

Условия содержания и использования коров и быков отразились на их внешнем виде. Крупный рогатый скот был низкорослым, с короткими ногами, рога стояли горизонтально, шкура – мягкая и гладкая. Корейские коровы отличались хорошо развитой холкой из-за того, как их запрягали.

Поскольку корейцы не доили коров, то телята долго сосали молоко и хорошо росли. Скот содержался на сухом корме почти целый год. Хлев, если он находился в отдельном строении, на зиму утеплялся. Животных кормили сеном и специальными смесями из чумизной соломы, которую мелко резали (по 10 см и меньше). Каждая корова получала в сутки примерно 16 кг такой сечки, а также 5 фунтов бобов. Зимой кроме сечки скот кормили сеном. Лошадям и волам сечку давали во время пахоты. Овсяной и пшеничной соломой почти не кормили. Часто как корм использовалась бобовая солома. Гречишная и чумизная шелуха шла на корм свиньям.

Кроме крупного рогатого скота в качестве вьючной и тягловой силы использовали лошадей корейской породы. Они были пропорционально сложены, ростом 80 см и выше, похожи на жеребят. Лошади этой породы отличались выносливостью и могли нести вьюк до 80 кг. Кормили лошадей три–четыре раза в день смесью из бобов, рубленой соломы и пшена.

Свиней корейцы держали немного – 16 голов на хозяйство. Они встречались двух пород: черные и белые. Первые – мелкие, но с развитыми окороками, небольшими ногами и округлым туловищем. Вторые – крупные, имели острую морду и напоминали свиней в Центральной России. Свиней кормили отбросами, а также будой и бобами.

Из птиц корейцы разводили в основном кур и уток. Кур продавали на рынке, выкармливали их будой и гаоляном.

Навоз домашнего скота способствовал лучшему удобрению полей, сохранению плодородия почвы. Без него и других органических удобрений земли приходили в упадок. Количество скота часто влияло на продуктивность хозяйства в целом.

Кроме земледелия и животноводства корейцы занимались разведением тутовых деревьев и шелкопряда. Кокконы разматывали примитивным способом, а шелк ткали на домашних станках. Разведение шелкопряда началось в 1900 г. у корейцев, проживавших на Приханкайской низменности (д. Синельниково).

Отходничество. Разница между отходниками и земледельцами была весьма условная. Сезонники часто оседали на земле, занимая ее самозахватом или покупая у прежних хозяев; крестьяне-земледельцы часто сами уходили на временные заработки (рыбный промысел, прииски и т.д.). Корейцы, занимавшиеся отхожими промыслами, не содержали своих хозяйств и работали 1) как наемные рабочие-сезонники в хозяйствах русских и корейских крестьян, 2) на приисках, расположенных на севере Приморской области и Амурского края, а также в Забайкалье, 3) на сезонной рыбообработке на побережье Охотского моря и Камчатки, 4) на различных промыслах (охота, добыча морской капусты, собирание женьшеня, мелкое ремесло, близкие водные перевозки и т.д.).

Первую категорию отходников составляли мигранты, вновь прибывшие из Кореи, которые, двигаясь через Посьетский участок, нанимались батраками в крестьянские хозяйства – как корейские, так и русские. Корейцев было выгодно брать на уборку урожая и молотьбу: им платили меньше, чем китайцам и русским, а работали они тщательней. Уборка зерновых в Корее традиционно велась исключительно серпами, поэтому наемные работники-корейцы убрали быстрее и чище. Молотильные цепи корейцев были легче и эффективней, что тоже отражалось на их работе.

Крестьяне-корейцы, нанимавшиеся в качестве сезонных рабочих в крестьянские и казацкие хозяйства, старались остаться в них на положении арендаторов-половинщиков (если земли были хорошие). Постепенно, арендуя все большие участки зем-

ли, они занимали весь надел крестьянина, платя ему арендную плату. Землю в аренду сдавали не только русские крестьяне и казаки, но и корейцы, особенно на Посьетском участке. Перебираясь на жительство в город, корейцы сдавали землю в аренду землякам, прибывшим из Кореи³³. С 1906–1907 гг. часть сельскохозяйственных рабочих была “ходоками”: выбрав удобные для земледелия места, они выясняли возможности и условия аренды, а на следующий год возвращались в качестве арендаторов с семьями и скарбом³⁴.

Отходники-корейцы работали на золотых приисках Амурского края и Забайкалья. Возможно, часть из них осела в этих местностях, образуя корейские слободки вокруг крупных городов, как, например, в Удском округе, около г. Николаевска-на-Амуре. Корейцы работали на золотодобывающих, а также на угольных и других шахтах. Кроме того, они нанимались на металлургические заводы Западной Сибири и Урала³⁵. Большая часть рабочих, занятых в горнодобывающей и тяжелой промышленности, возвращалась в Корею или оседала на целинных землях в Китае и России. В 1910 г. появились законодательные акты российского правительства, запрещавшие нанимать на промышленные предприятия нерусско-подданных.

Корейцы были заняты в рыбной промышленности, на лове и обработке рыбы. В Корее, на северо-восточном побережье, имелось речное и прибрежное рыболовство, поэтому корейцев нанимали для ловли и обработки нерестовых рыб. В 1913 г. на побережье Охотского моря, у устья р. Уши, на рыбалке купца Краморенко работали 29 корейцев, на Камчатке, в устье р. Воровской, на рыбалке купца Налецкого их было 150 человек. Возле Усть-Камчатска на рыбных промыслах компании “Бариг и К^о” рабочие-корейцы занимались в основном ловом рыбы в устье реки, а рабочие-японцы – на море. Необходимо отметить, что все корейцы, работавшие на рыбных промыслах, являлись российскими подданными (по крайней мере, официально) и имели право на получение земельного надела. Возможно, некоторые из них осели около таких крупных городов, как Петропавловск-Камчатский и Николаевск-на-Амуре.

Другие отхожие промыслы включали в себя занятия, связанные с тайгой (охота, собирание женьшеня), морским собирательством (добыча крабов, сбор морской капусты), а также с некоторыми транспортными перевозками и ремесленными работами (для нужд корейских крестьян).

В Приморской области охотой занимались в основном гольды, нанайцы, китайцы и маньчжуры; корейцы – незначительно. Наибольший доход приносили охота на оленя, тигра и соболя. На оленей охотились из-за пантов (молодых рогов), которые появлялись у них в конце мая – июне. За пантами корейцы отправлялись обычно втроем или вчетвером и охотились несколько дней. Оленей ловили с помощью специальных ям-ловушек, которые выкапывали на тропах и прикрывали сверху мелкими ветками. При большой охоте делали специальную изгородь, за которую гнали оленей; ямы-ловушки выкапывали перед заранее сделанными выходами в этой изгороди. Так ловили не только оленей и изюбрей, но и косуль. Корейцы охотились также и на кабаргу из-за мускусного мешка, имеющегося у самцов. Кабаргу били из засады ружьем. Из всех перечисленных животных лишь косуля добывали для мяса зимой, когда у корейских крестьян кончались запасы. До начала массовой иммиграции и на первых ее этапах охотников-корейцев было больше³⁶.

Гораздо большее количество отходников-корейцев занималось сбором дикого женьшеня и промывкой золота. Дикий корень женьшеня назывался *сансам* (домашний – *инсам*).

Вдоль берегов залива Петра Великого и Посьетской бухты функционировали самостоятельные рыбные и морские собирательские хозяйства корейцев. В основном были развиты промыслы трепанга, краба и морской капусты³⁷. Крабов ловили обычно в феврале–марте, когда они направлялись к берегу для метания икры. Корейцы ловили их сетями, которые расставляли вдоль берега моря на ночь и вынимали утром. Кроме того, крабов ловили сачками или били палками с берега. Мясо крабов варилось в морской воде, высушивалось на солнце и продавалось в Китай. Тре-

пангов били с лодки длинной острой или вылавливали с помощью донной драги в течение всех летних месяцев. Их варили в морской воде, а затем высушивали. Морскую капусту первого сорта собирали с конца марта до середины июня, второго – до осени. В заливе Петра Великого капусту собирали с лодки на глубине от 2 до 10 м с помощью специального приспособления. Оно представляло собой шест длиной 4 м, в нижнем конце которого устанавливались четыре палочки, просовывавшиеся в специальные желоба, образуя орудие типа вил, где зубья расположены не в одной плоскости, а по окружности. Шест опускали в воду и нижней частью захватывали водоросль, затем наматывали ее на палку и вытягивали в лодку. В мелких местах использовались специальные искривленные ножи типа серпа; ими подсекали основание водоросли и, когда она всплывала, ее собирали руками. Собранная капуста раскладывалась на берегу и сушилась три дня. Потом ее связывали в пучки и продавали, главным образом в Китай.

Наибольший объем транспортных перевозок осуществлялся корейцами до открытия портов Кореи для иностранцев в 1888 г. Позже они обслуживали местные прибрежные линии вдоль побережья Приморской области³⁸. Некоторое количество корейских наемных рабочих было занято в лесной промышленности.

В сфере ремесленного производства были распространены кустарные предприятия, на которых в среднем работали по три человека. Основными его отраслями являлись маслобойное, перерабатывающее соевые бобы, предприятия по изготовлению обуви и одежды. Кузнечные мастерские удовлетворяли потребности крестьян-корейцев в изготовлении мотыг и лемехов для плугов (сох)³⁹.

Розничной торговлей, главным образом овощами, занимались крестьяне из близлежащих к городу корейских пригородных сел. Строительными подрядами и продажей скота занималась наиболее зажиточная часть корейского населения на Посыетском участке (подряды) и с. Благословенном (скупка скота у казаков и перепродажа его в городах Благовещенск и Хабаровск)⁴⁰.

В целом отходничество у корейцев не приводило к отрыву от сельскохозяйственного производства – они всегда старались осесть на земле. Этим объясняется тот факт, что большинство отходников-корейцев были заняты в качестве батраков в крестьянских хозяйствах. В Приморской области промыслами и торговлей занималось не более половины корейского населения.

Жилища. Жилища корейских поселенцев были каркасными, с глинобитными стенами, крыши – двух- и четырехскатные, покрытые соломой. Большинство корейцев прибыли из провинций Северная и Южная Хамгён, где были распространены двухрядные дома – *янътхончип* (с двумя рядами комнат под коньковой крышей и с одной большой кухней, совмещенной с хлевом). Однако, судя по сохранившимся описаниям домов, корейцы Приморской области жили в однорядных (одиночных) домах – *ветхончип* (с числом комнат не больше двух–трех). П.Ф. Унтербергер писал, что корейцы, поселившиеся на новых землях, сооружают дом за три–четыре недели⁴¹. За такой короткий срок и к тому же в отсутствие квалифицированных специалистов строились однокамерные каркасные дома, стены которых представляли собой плетень, толсто обмазанный глиной, толщиной в четверть аршина. Дом состоял из кухни и комнаты. Причем в большинстве случаев комната – это место, не отделенное стенкой от кухни или отграниченное низкой перегородкой. Такая внутренняя планировка характерна для маленьких двухрядных домов северного типа, где кухня являла собой общее с соседней комнатой помещение и не всегда отделялась стеной. В с. Благословенном корейцы строили такие же избы, как и у окружающего населения. Это можно объяснить тем, что они оказались в совершенно незнакомых для них местах⁴².

Интересен тот факт, что среди описаний жилищ корейцев, живших в Приамурском крае, мало упоминаний об отопительной системе *ондоль* (система дымоходов, шедших от топки кухонной плиты под полом жилых комнат). К.И. Чукаев упоминает о ней, описывая обработку бобов у крестьян-корейцев с. Благословенного. Об он-

доле пишет и Н.Г. Гарин-Михайловский, бывавший в домах корейцев во время своего путешествия в 1898 г. Кроме того, об этой системе отопления сообщал А.В. Кириллов, указывая на благотворное воздействие обогреваемых полов на восстановление организма человека после интенсивного полевого труда⁴³. Возможно, на первых этапах заселения Приморской области вместо ондоли сооружался *кан* – обогреваемые лавки-лежанки, характерные для жилищ китайцев и маньчжуров, что и отразилось в описаниях интерьеров⁴⁴.

Усадьба корейского крестьянина состояла из одного (одиночного) дома; двор располагался перед жилым домом и огораживался частоколом или плетнем. Н.А. Крюков описал усадьбу зажиточного корейца, которая состояла из жилого здания (однорядного) и хозяйственных построек, составлявших с ним замкнутый четырехугольник, образуя внутренний дворик. Промежутки между зданиями огорожены плетнем. Хотя такая планировка усадьбы была характерна для северо-западных провинций Кореи, она имела повсеместное распространение и у российских корейцев, свидетельствуя о высоком имущественном положении владельца⁴⁵.

При описании одного из жилищ, предположительно находившегося на Посьетском участке, упоминался очаг, расположенный посередине жилища (т.е. помещения, совмещающего кухню и жилую комнату). Это напоминало очаг *тынди*, сооружаемый у некоторых групп корейцев, живших на северо-востоке и испытавших влияние со стороны маньчжурского населения⁴⁶.

Хотя описания жилищ фрагментарны и порой неясны, можно сделать вывод, что на первом этапе проживания (до 1900 г.) большинство корейцев жили в каркасно-столбовых однокамерных домах, где даже не всегда разделялись комнаты и кухня. При повышении благосостояния дома расширялись в одно- или двухрядные с четырьмя–пятью комнатами и кухней.

Пища. Основной пищей для переселенцев-корейцев была буда (чумиза и другие виды проса), употребляемая в вареном виде. Даже когда в Уссурийском крае в 1920–1930-е годы стало развиваться рисосеяние, рис выращивался на продажу, а не для себя⁴⁷. Из чумизы варили кашу, которую ели с кусочками свинины, макая их в соевый соус. Соевые бобы, занимая важное место в пище корейских поселенцев, отчасти заменяли белковую пищу. Из них приготавливали соус (*канджан*), соевый творог (*тубу*) и другие блюда⁴⁸. Сначала собранные бобы целый день варили в котле, потом их толкли, а из полученной каши делали шары размером около 50 см в диаметре, весом около 3–4 фунтов. Эти шары обвязывали веревкой и подвешивали к крыше или потолку. Они там висели два–три месяца, покрывались плесенью и твердели, затем по мере готовности их очищали от пыли, клали в бочку и заливали кипятком, в который добавляли соль (около 10 фунтов на пять ведер воды). Через два дня шары делались мягкими и растворялись, окрашивая воду в красный цвет. Полученную жидкость сливали через сито в чашку и варили целый день, в результате чего она загустевала и чернела. Полученный соус называли *чи-ран-и* и хранили в горшках. Мякоть (ее называли *чан-и*), оставшуюся после сцеживания жидкости, смешивали с солью и клали в особые горшки.

Из бобов делали соевый творог *тубу* (местное название – *тыбы*). Для этого соевые бобы сначала клали в теплую воду, а затем, когда они разбухали, толкли. Полученную кашеобразную массу варили в котле, потом ее клали в мешки и отжимали из нее жидкость, которую затем варили в чане, добавив в нее немного соли или уксуса. Часть жидкости превращалась в студень. Эту студенистую массу снова клали в мешки и отжимали, получая таким образом соевый творог. Он считался питательней мяса. Отходы от его приготовления – жидкость и жмыхи – отдавали на корм скоту.

Из мяса в пищу шла в основном свинина. Птица – куры, утки и гуси – употреблялась в ограниченном количестве, в основном ее отправляли на рынок. Молочные продукты корейские крестьяне не производили и не потребляли. Даже малолетних детей вместо коровьего молока поили рисовым отваром. Необходимо отметить, что

о пище корейцев, проживавших в Приморской области, сохранилось весьма мало сведений. В частности, нет упоминаний о *кимчхи*, которое являлось неотъемлемой частью корейской трапезы как у богатых, так и у бедных крестьян.

Одежда. Мужчины-корейцы носили широкие брюки, суживавшиеся книзу (*наджи*), и длинную рубашку с разрезами по бокам, надеваемую через голову (*чогори*). Сверху надевался халат с широкими рукавами (*турумаги*). Летом и внутри дома мужчины носили только широкие брюки, оставаясь по пояс голыми. Женщины, независимо от возраста, носили длинные юбки (*чхима*) и короткую кофту с глубоким вырезом, едва закрывавшую плечи. В юбке иногда делались разрезы по бокам⁴⁹. Из обуви упоминались только сандалии из соломы. Более зажиточные корейцы, выезжая за пределы деревни, носили европейскую одежду. Такую же одежду носило большинство корейцев-горожан. Принимая христианство, корейцы меняли прическу – традиционный пучок на макушке – на стрижку.

* * *

Крестьяне-корейцы, переселившиеся из Кореи на территорию российского Дальнего Востока, старались воссоздать земельный хозяйственный комплекс, к которому они привыкли на родине. Поэтому он во многом повторял особенности сельского хозяйства Кореи XIX в., прежде всего грядковую систему земледелия. Однако природные и социальные условия Приморья и Приамурья требовали изменений хозяйственного комплекса, его адаптации к новым условиям. Изменения в первую очередь затронули севооборот, состав высеваемых злаков, сбыт сельхозпродукции и некоторые сельскохозяйственные орудия. Кроме того, новые условия сказались на жилище и одежде. Стремление российского правительства к освоению новых земель способствовало скорейшей адаптации корейских крестьян, правда, только в тех случаях, когда они рассматривались как участники освоения этих земель. Тем не менее взаимодействие с русским населением и администрацией представляло для корейцев, по сути, первый опыт заимствования некоторых черт европейского образа жизни.

Примечания

¹ Песоцкий В. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск, 1913. С. 117; Крюков Н.А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области. СПб., 1893. С. 203; Кириллов А.В. Географо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1898. С. 24; Чукаев К.И. Животноводство и кормовой фонд Амурской области. СПб., 1912. С. 288; Любатович Б. Посыетский район. Владивосток, 1913; Кохановский А.И. Переселенческое дело в Китае и наша дальневосточная окраина. Владивосток, 1909.

² Описание Кореи. М., 1960.

³ Серошевский В. Корея. СПб., 1909.

⁴ Крюков Н.А. Указ. соч.; Чукаев К.И. Указ. соч.

⁵ Цит. по: Кохановский А.И. Указ. соч. С. 10.

⁶ Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856-1898. СПб., 1900. С. 113.

⁷ Песоцкий В. Указ. соч. С. 43.

⁸ Крюков Н.А. Указ. соч. С. 203.

⁹ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. М., 1993. С. 49.

¹⁰ Любатович Б. Указ. соч. С. 11.

¹¹ Буда – собирательное название для просяных культур, возделываемых китайцами и корейцами.

¹² Лубенцов А.Г. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи // Зап. Приамурского отдела Русского Географического общества. Т. 1. Вып. 4. Хабаровск, 1897. С. 220.

¹³ Песоцкий В. Указ. соч. С. 216.

¹⁴ Пак Б.Д. Указ. соч. С. 49.

¹⁵ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. С. 48.

¹⁶ Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток, 1928. С. 6.

¹⁷ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. С. 183.

¹⁸ Кириллов А.В. Указ. соч. С. 24.

¹⁹ Описание Кореи. С. 336.

²⁰ Ким Сын Хва. Указ. соч. С. 48.

²¹ Кириллов А.В. Указ. соч. С. 315.

²² *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 31.

²³ *Песоцкий В.* Указ. соч. С. 217.

²⁴ *Аносов С.Д.* Указ. соч. С. 27.

²⁵ *Чукаев К.И.* Указ. соч. С. 288.

²⁶ Там же. С. 286.

²⁷ Описание Кореи. С. 82.

²⁸ Там же. С. 84.

²⁹ *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 83.

³⁰ *Аносов С.Д.* Указ. соч. С. 8.

³¹ *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 313.

³² *Ким Сын Хва.* Указ. соч. С. 48.

³³ *Песоцкий В.* Указ. соч. С. 312.

³⁴ Там же. С. 313–412.

³⁵ *Ким Сын Хва.* Указ. соч. С. 90.

³⁶ В Корею охота была одним из традиционных занятий в северо-восточных провинциях Северная Хамгён и Южная Хамгён. Этим отхожим промыслом занимались более или менее профессионально, объединяясь в особые охотничьи общества, появившиеся главным образом вдоль границы Кореи с Китаем. Вооружение охотников-корейцев состояло из примитивных фитильных ружей. Постоянно занимавшиеся охотой крестьяне надевали на охоту специальную одежду из шкур пушных зверей, на голову – шляпу из верблюжьего сукна, а на ноги – сапоги-поршни, сделанные из одного куска кожи. Охотились группами по три–четыре человека, а иногда целыми обществами в 10–12 человек, в зависимости от того, на какого зверя велась охота. Иногда охотники брали с собой шамана, который указывал обильные дичью места и совершал жертвоприношения, содействовавшие успеху задуманного дела. В жертву обычно приносились поросята или свиньи, в редких случаях – бык или корова. Из пищевых запасов охотники брали только некоторое количество сои, которой приправляли различные корни и ягоды, собираемые на месте промысла (до 50 наименований). Корейцы никогда не били зверя на бегу и птицу влет, что объяснялось низким качеством оружия. Покрыв одежду перьями или вывернув ее мехом наружу, они ждали птицу или зверя в засаде. Кроме того, охотниками-корейцами использовались различные манки для заманивания дичи или зверя в ловушки и силки. В Корею лучшими местами охоты считались хребты гор, поскольку долины и склоны в большинстве своем были заняты под пашни.

³⁷ *Ким Сын Хва.* Указ. соч. С. 49.

³⁸ *Унтербергер П.Ф.* Указ. соч. С. 316.

³⁹ Там же. С. 58, 34.

⁴⁰ *Песоцкий В.* Указ. соч. С. 211.

⁴¹ *Унтербергер П.Ф.* Указ. соч. С. 316.

⁴² *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 41–42.

⁴³ *Чукаев К.И.* Указ. соч. С. 288; *Гарин Н.Г.* Из дневников кругосветного путешествия. М., 1950. С. 82–84; *Кириллов А.В.* Указ. соч. С. 17.

⁴⁴ *Максимов А.Я.* На Далеком Востоке. Кн. I. СПб., 1898. С. 47.

⁴⁵ *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 216.

⁴⁶ *Максимов А.Я.* Указ. соч. С. 48; *Хван Чхольсан.* Культура и быт жителей селений чэгасын провинции Северная Хамгён. Пхеньян, 1960. С. 37 (на корейск. яз.).

⁴⁷ *Аносов С.Д.* Указ. соч. С. 38.

⁴⁸ *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 217.

⁴⁹ *Максимов А.Я.* Указ. соч. С. 44.

A.V. Z a g o r u l ' k o. The Specificity of Economy and Material Culture of the Koreans of the Russian Far East (the 1860s – early 20th century)

The author demonstrates that the specific character of economy and material culture of Korean settlers in the Russian Far East formed as a result of the impact of manifold factors, such as cultural habits and stereotypes of the settlers; natural, ecological and social environment of the Far East region; policies of the Russian administration; and problems of cultural contact and adaptation. The article presents a detailed description of material culture that characterized Korean communities of the period.